

Образование и печать в культурной политике России второй четверти XVIII в.: законодательная регламентация

Данная статья посвящена законодательной регламентации образования и печати в России с середины 20-х до начала 40-х гг. XVIII в. Образование расширяло слой грамотных людей, стимулировало приобщение их к достижениям культуры; печать поддерживала развитие образования публикацией учебной и научной литературы. Именно в это время вопросы культуры были подняты на государственный уровень. Оценка ее значения правительством и осознание необходимости культурной «поддержки» для движения страны вперед прочно включили культуру в законодательство Российской империи.

Ключевые слова: образование, печать, культурная политика, законодательная регламентация Российской империи.

Период со времени кончины Петра и до восшествия на престол его дочери Елизаветы Петровны сложно назвать ярким в истории отечественной культуры. За промежуток в полтора с небольшим десятка лет на русском престоле сменилось четыре правителя, произошли и своеобразные «перевороты» у подножия трона. Однако и характеристика его как исключительно «мрачного», «темного» времени, «засилья иностранцев», «немецкой партии», уже давно не актуальна.

Для культуры России второй четверти XVIII в. важным явлением стало пробуждение самосознания наиболее образованного слоя общества – дворянства. Дворянские проекты 1730 г. знаменовали собой «первый дебют сословия», однако «не в западноевропейском смысле слова, так как не было еще понятия о сословных правах»¹.

Политические коллизии на самой вершине власти, казалось бы, отодвинули вопросы культуры на периферию. Но они уже органически вошли не только в российскую действительность, но и в правительственное законодательство. Несмотря на явный приоритет экономических, внешне- и внутривластных, стратегических, военных и, в особенности, финансовых проблем, российское законодательство 1725–1741 гг. уже немыслимо без указов, включавших вопросы культуры (или целиком им посвященным). Интенсивность законодательных инициатив и количество документов напрямую связаны не только с особенностями политической конъюнктуры и индивидуальными предпочтениями представителей власти, но и с длительностью пребывания монарха на троне. Смена правителей не означала серьезных перемен в культурной политике, как правило, сохранялась некая преемственность. Практически все законодатели позиционировали себя наследниками Великого Петра, подтверждая это отсылками к его указам и распоряжениям. Повторы же распоряжений предшествующего правителя свидетельствуют не только о преемственности, но иногда и о невыполнении или неполной реализации предшествующего указа.

Статья посвящена законодательной регламентации вопросов российского образования и печати середины 20-х и до начала 40-х гг. XVIII в.

Образование и печать – две взаимодополняющие отрасли культуры. Образование расширяло слой грамотных людей, стимулировало приобщение их к достижениям культуры. Печать поддерживала развитие образования публикацией учебной и научной литературы. Являясь главным каналом культурной коммуникации XVIII в., печать сыграла значительную роль в распространении знаний, расширении кругозора, повышении культурного уровня прежде всего грамотной прослойки населения, а через устную ретрансляцию и малограмотного контингента подданных.

При преемниках Петра образование продолжало оставаться одной из самых насущных проблем общества, поскольку отсутствие определенного слоя элементарно образованных людей тормозило развитие высших степеней образования и науки. В то же время школьная структура по-прежнему была крайне неразвитой.

При Екатерине I существенных изменений в образовательной политике не произошло, законодательная активность в этой сфере была невелика. Один из указов 1725 г. касался повышения профессиональной подготовки купечества – вопроса, поставленного еще при Петре. Купеческих детей предлагалось посылать «для обучения арифметике и немецкому языку в Ревель и Ригу, оттуда

в чужие края»². Существенных последствий эта мера не имела: обучение продолжалось непосредственно в лавках и магазинах. В октябре 1726 г. духовные и гражданские школы были объединены «под ведение Синода». Документ подчеркивал преемственность просветительской политики. В нем содержались отсылки к законам Петра I (1714, 1716, 1721, 1722 гг.), в которых говорилось о необходимости обучения («приказного чина и церковниковых и монастырских слуг детей» 10–15 лет, «кроме дворянских», «цифири и геометрии»). Говорил он и об архиерейских школах для детей церковнослужителей, которых в «арифметические школы и к прочим светским наукам» предписывалось «не спрашивать» (т. е. не отправлять), и пр. Екатерининский указ был попыткой хотя бы в некоторой степени упорядочить подчиненность школ, которые в петровский период оказывались в разных ведомствах. Он предписывал в губерниях и провинциях соединить «для учения приказных и прочих чинов людей детей школ со учреждающимися от Синода Семинариею и школами», а «учителям и ученикам» этих школ находиться «в ведении Синодском, по представлению Адмиралтейской Коллегии»³.

Ряд указов касался Академии наук, которая при Петре I не успела начать свою деятельность. Вскоре после вступления Екатерины I на престол, в феврале 1725 г., российскому послу князю Куракину было предписано пригласить «ученых людей в российскую Академию Наук», а «желающим поехать в Россию» выдать «нужные пособия». Документ с опорой на петровский указ от 17 сентября 1724 г. в очередной раз подчеркивал преемственность и власти («по Его ж Божескому изволению скипетр правления Российской Империей Мы приняли»), и культурной политики (воплощение в жизнь желания Петра «устроить Академию вышних Наук и Художеств») ⁴. В декабре того же года был принят указ «О заведении Академии Наук и о назначении президентом оной Лейб-медика Блюментроста» ⁵. Позднее – об отсылке «недорослей Дворян для обучения в Санктпетербургскую и Московскую Академии» ⁶.

Флот, требовавший колоссальных финансовых вложений, после смерти Петра I находился далеко не в лучшем состоянии. Однако нужда в специалистах, способных служить в этой сфере, по-прежнему сохранялась. При внуке Петра I в 1727 г. на законодательном уровне предписывалось «недорослей от 12 до 17 лет» «ныне и впредь» посылать «из Герольдмейстерской конторы в Адмиралтейскую Коллегию» «для обучения навигационным наукам» ⁷.

Разрешалась организация школ для иноверцев. В Петербурге на Адмиралтейской стороне отводилось специальное место «под

строение» школы при евангельской церкви⁸. Городское строительство требовало квалифицированных мастеров, поэтому при Канцелярии от строений оставляли детей «старше 12 лет» «для обучения разным художествам»⁹.

Эпизодически вспоминали и о содержании учителей. Так, в 1728 г. было предписано выдать жалование «учителям в Эстляндском княжестве и Рыцарстве» из «штрафных денег», «собиравшихся» в Обер-Ландгерихте¹⁰. К школе приучали и «вольных малолетних детей», оказавшихся в полиции «за хождение по миру», т. е. за сбор милостыни. Их решено было отправлять «в коллегия экономии для обучения и содержания с незаконнорожденными»¹¹. Специальная инженерная подготовка также была остро необходима стране. Указом Верховного тайного совета был определен штат Инженерного корпуса и Инженерной школы¹². В короткое правление Петра II на законодательном уровне и на практике в образовании сделано было очень мало. Верховный тайный совет столкнулся с необходимостью решения насущных проблем, прежде всего налогообложения и финансов. Кроме этого нестабильной оставалась и внешнеполитическая ситуация.

После восшествия на престол императрицы Анны Иоанновны образовательная политика государства была направлена на освобождение дворян от принудительной службы, что стало началом его «раскрепощения» (В.О. Ключевский). Верховный тайный совет постановил шляхетство «в солдаты, матросы» и другие «подлые чины» неволею не определять, как это было при Петре I, а учредить «особливые кадетские роты». Так появился Кадетский корпус с набором в 200 человек «шляхетских детей» от 13 до 18 лет. Изначально предполагалась запись всех подданных «как Российских, так и Эстляндских и Лифляндских провинций». В отличие от предшествующего законодательства, довольно подробно оговаривался учебный план, включавший арифметику, геометрию, рисование, фортификацию, артиллерию, обучение «шпажному действию», верховой езде и «прочим к воинскому искусству потребным наукам». Поскольку государству требовалось «политическое и гражданское обучение», корпус должен был иметь учителей «чужестранных языков», истории, географии, юриспруденции, танцев, музыки и «прочих полезных наук». Бюджет в 30 тысяч рублей, по мнению законодателей, должен был обеспечить достойное существование учебного заведения, о создании которого сообщалось «всему шляхетству». Желаящие учиться должны были явиться в Сенат¹³.

В ноябре того же 1731 года был утвержден устав корпуса. Он определил место нахождения корпуса – Санкт-Петербург, где

находилась и Академия наук, сотрудничество с которой должно было помочь учащимся «к вящему их в науках успеху». Столица должна была способствовать и тому, чтобы «обучаемые молодые люди, купно с теориею, со временем и практику видеть» могли, а также иметь общение с иностранцами, что давало возможность совершенствоваться в языках. Кадетскому корпусу был передан бывший дом А.Д. Меньшикова на Васильевском острове. Каждому классу отводилось особое помещение, предполагалось наличие священника, офицеров, учителей и надзирателей, капитана с поручиком, которым поручалось «понедельно безотлучное дежурство держать». Устав конкретизировал учебные планы, определив набор предметов, изучаемых в каждом классе. Для перехода в первый старший класс авторитетная комиссия должна была «с общего совета и согласия» освидетельствовать «по подлинному всякого достоинству, кто к каким наукам к вящему впредь произведению угоден и потребен быть может». Эта же процедура предусматривалась при выпуске «для определения в подлинные чины». Во всех классах изучались русский, немецкий, французский языки и латынь, «ежели которые к тому охоту покажут». В «высших трех классах всякому кадету надлежит пять или шесть лет неотлучно в учении быть», «дабы довольное и фундаментальное в науках искусство получить могли». Конкретизировался порядок обучения военных. Те же, кто «к гражданским высшим наукам охоту имея, оным далее прилежать желают», направлялись в Академию наук «у высших профессоров» «вящее обучение получать».

Документ высвечивает проблему подготовленности кадров, отмечая, что учителей, «которые Российскому языку искусны, довольное число найти не можно». Вместе с тем во всех классах предполагалось «сначала обучать» иностранным языкам. Результаты изучения комплекса предметов и практической подготовки проверяли по «третьям года», каждый год устраивался «единожды главный и публичный смотр» в присутствии императрицы, «духовных и гражданских знатных персон»¹⁴. Корпус был светским учебным заведением европейского типа и положил начало системе дворянского сословного образования. Впоследствии он превратился в уникальный культурный центр России XVIII века.

В ноябре и декабре 1731 года правительство активно стимулировало запись в Корпус. Правительство торопило «обретающихся в Москве» немедленно записываться у дежурного генерал-адъютанта: в Петербурге – у Б.К. Миниха, в Лифляндии и Эстляндии – у губернаторов. В декабрьском указе напоминалось о стараниях Петра I «ко обучению младаго шляхетства посылкою в чужие края».

Однако оговаривалось, что «не без трудностей и не без убытку им от тех посылов было». Отрывались они от семей, переезды и проживание были дороги, и «в платеже за науки несли великие убытки, а иные, не имея над собою надлежащего смотра, возвращались без плода». «Последуя» «славному и полезному делу» дяди, с заботой о Российском государстве и «верном <...> шляхетстве», императрица учредила «Корпус Кадетов». Провозглашалось избавление от «великих убытков», освобождение от платы и обязательство императрицы содержать кадетов на «казенном коште, как следует». «Каждый кадет, с свидетельства командиров» мог в армию и к «гражданским делам определен быть, смотря по наукам их и достоинству». Закон подчеркивал, что от «смотрительного и регулярного учения может происходить немалая Государственная польза». На этот раз помимо столичных и прибалтийских упоминаются шляхтичи и других городов империи, а также проживающие «в деревнях своих». Их призывали «без записи» ехать «в Москву без всякого замедления» и записываться «неотложно без упущения времени»¹⁵.

Позже суммы на Корпус несколько увеличивались. В мае 1732 г. по докладу Миниха был утвержден штат Корпуса. В докладе генерал-фельдмаршала свидетельствовалось, что в кадеты записалось уже 308 человек (российских – 237, лифляндских – 32, эстляндских – 39), что «и впредь желающих будет довольно». Миних просил дополнительную годовую сумму и определение на содержание Корпуса более крупной и доходной деревни («от 80 до 100 дворов в Ингерманландии, или в Карелии»). Резолюция на докладе гласила: «Аппробуется»¹⁶. В июне 1737 г. был принят закон об испытании кадетов два раза в год, 15 марта и 15 сентября, что относилось «ко всем без изъятия» кадетам. Новый порядок должен был помочь при отборе учеников «усмотреть, которые к наукам способны, и которые нет», чтобы «не напрасно деньги на них тратить». Академии наук (или как она тогда называлась «Академия де Сіанс») поручалось «сочинить проэкт», «каким образом оные смотры и экзамены производить». В том же году правительство отметило, что военные эскерции занимают значительное время в обучении. Было предписано выделять для этого лишь один день в неделю, «дабы не отвлекать их [кадетов. – И. Ч.] от прочих наук». Исключение было сделано лишь для необученных и вновь определенных. Им предписывалось заниматься эскерциями два дня в неделю, «покамест обучатся». Для повышения качества образования, по предложению Академии наук, были приняты правила «для публичных испытаний в науках воспитанников Кадетского Корпуса»¹⁷.

Прецедент с разрешением некоему 15-летнему Александру Бергольцу, обучившемуся «по Российски и по Немецки читать и писать, Арифметике и по Латыни», т. е. недорослю, по тем временам, весьма образованному, поступить в корпус на собственный «кошт» сверх штата, вызвал распоряжение кадетов «впредь сверх комплекта не принимать»¹⁸. Видимо, к 1738 г. популярность Кадетского корпуса была достаточно велика, и правительство стремилось не расширять контингент учащихся, чего не позволяли и возможности учебного заведения. Кадетский Корпус оставался учебным заведением для дворян, российских подданных. Мартовский указ 1739 г. запретил прием в Корпус детей иностранцев, родители которых не состояли на российской службе¹⁹.

По-прежнему не хватало людей, способных обучаться в Академии. В начале 1735 г. Академия «требовала», чтобы при ней учредили семинарию «из 30 шляхетских юношей, дабы оные со временем Государству полезные услуги показывать могли». В сентябре Академия и Сенат ходатайствовали о присылке «из монастырей, гимназий и школ» 20 человек, чтобы «чрез назначенных к тому от Академии людей выбрать, которые столько научились, чтоб с нынешняго времени у Профессоров лекции слушать и в высших науках с пользою происходить могли». Указ был обращен к ректору и учителям Спасского училищного монастыря, «за свидетельством» которых предписывалось отобрать учеников «для слушания высших наук»²⁰.

В 1732 г. специальным манифестом было предписано отправлять в Петербург «недорослей, кроме тех, кои сами или их отцы не имеют деревень», а в Адмиралтейство – «недорослей пятнадцатилетних», «малолетних» же – отпускать «в дома». Тогда же постановили отправлять «на смотр в Кабинет недорослей и отставных офицеров», которые в Петербурге «у герольдмейстерских дел явились и впредь являться будут»²¹. Таким образом, дворянских недорослей брали на учет и стимулировали к обучению.

Манифест от 31 декабря 1736 г. подробно оговаривал порядок приема на службу и увольнения от нее шляхетских детей. «К лучшей пользе и благополучию» государства и всех «верных подданных» и «из Матерняго» (материнского) милосердия императрицы указ устанавливал новый порядок службы дворян. «Для содержания шляхетских домов и деревень» один из сыновей в семье освобождался от обязательной службы. Но при этом «оставшиеся в домах» должны «довольно грамоте и по последней мере Арифметике, обучены были, дабы оные в гражданской службе годны были». Остальные сыновья определялись в военную службу, уста-

навливался ее 25-летний срок. Начиналась она с двадцатилетнего возраста²². Отменялся установленный Петром I майорат, однако образование признавалось необходимым условием, чем подчеркивалась своеобразная преемственность петровской системы организации службы.

Порядок свидетельствования недорослей, получавших образование с 7 до 20 лет, был дополнительно определен документом от 9 февраля 1737 г. Это был уже не просто учет недорослей, но и проверка их образования. Они должны были пройти три смотра, самым важным из которых был последний, в 16 лет, когда родственники гарантировали получение недорослем необходимых знаний. Если же они не могли обеспечить обучение или имели «менее 100 душ», юношей могли определить в государственные учебные заведения. Тогда же появился указ отправлять двадцатилетних «ничему не обученных» молодых людей в матросы²³.

Потребность в образованных военных кадрах вызвала серию указов, посвященных их подготовке. Взрослые офицерские, дворянские и дети других «служилых людей» направлялись «в армейские и гарнизонные полки по их желаниям», а малолетние – в «учрежденные школы»²⁴.

Продолжали распространяться по стране и гарнизонные школы. Детей отставных солдат закон предписывал распределять «в гарнизонные школы, а годных – в службу по полкам». Их количество увеличивалось, поэтому выделялись средства «на покупку книг и бумаги, для состоящих сверх комплекта в гарнизонных школах солдатских детей»²⁵. Подробно и скрупулезно указ оговаривал условия «заведения» и «устройство» школ при пехотных гарнизонах. 15-летние юноши обязаны были являться «для определения в школы и службы». Если же они скрывались, следовало «оных по поимке наказывать равно, как беглых солдат»²⁶. Солдатские дети, чтобы «нигде праздно не жили», определялись в солдаты, а малолетние – в школы. В гарнизонных школах детей обучали слесарному мастерству, «в школах грамоте и разным наукам», а неспособным к наукам – необходимым «в полках мастерствам»²⁷.

Продолжилась и традиция создания специальных учебных заведений. Указом, посвященным строительству крепостей, с отсылкой к петровской традиции, предписывалось и «построение» инженерной школы²⁸. В августе того же года был определен контингент Навигацкой школы. Предполагалось иметь 100 учеников в Москве и 150 – в Петербурге²⁹.

Трудности морской службы, особенно в нижних чинах, а именно в матросах, были очевидны. Поэтому не получивших знаний

учеников артиллерийских и инженерных школ отправляли «в матросы без всякого производства»³⁰. В образовательную практику прочно вошла обязательная проверка знаний учеников. По докладу Сената был принят указ о ежегодных «публичных» смотрах и экзаменах кадетов «в присутствии генерал-фельдмаршала графа Миниха и де Сианс [т. е. представителя Академии наук. – *И. Ч.*] и Адмиралтейской Академии и Инженерной школы учителей»³¹.

Правительство Анны Иоанновны предполагало в Сенате и в других присутственных местах обучать недорослей «приказным делам и наукам» и следить «за их успехами и нравственностью», при этом особым указом подчеркивалось, что дворяне должны обучаться «по их желанию, а не по принуждению». Тех же, кто «к приказным делам принадлежности не имеют, для окончания наук» из Сената, Синода, коллегий и канцелярий направляли в Кадетский корпус и Морскую академию. Недоросли, обучавшиеся в петербургской гарнизонной школе, «имевшие менее 20 душ», т. е. дети малообеспеченных дворян, должны были получать жалование³². В отличие от военной службы, к статской – насильно не определяли.

Учебные заведения распространялись по империи. Так, в Казанской губернии создавались школы «для обучения некрещенных и новокрещенных детей», куда принимали «только желающих», финансирование осуществлялось за счет средств, получаемых в губернии «с венчальных памятей». Должны были появиться 4 школы для вотяков, мордвы, чувашей и других народностей, населявших губернию³³.

Указом 21 июня 1731 г. были восстановлены ликвидированные при Екатерине I «цифирные школы», повышено жалование учителям, а сами школы были оставлены в ведении Адмиралтейской коллегии³⁴.

Роль церкви в распространении образования традиционно поощрялась властью. Харьковскому Покровскому монастырю и «славяно-греко-латинским школам» при нем императрица дала жалованную грамоту «на подкрепление тех школ и свободного в них учения» для их пользы «не токмо священству, но и отечеству Российскому»³⁵.

Указ от 30 июня 1732 г. предписывал для сибирских заводов «на убылые места и в запас к обучению горнозаводским делам» определить «6 шляхтичей из Академии, или обретающихся при Адмиралтействе академических школьников <...>»³⁶.

Если же речь заходила об устройстве школ для детей работных людей, вопрос всегда решался в пользу производства, экономическая целесообразность многократно превалировала над задачами

культуры. Так в 1735 г. Кабинет министров рассмотрел прошение крупнейшего уральского заводчика А. Демидова об освобождении от обязательной учебы 6–12 летних детей, которые «многие заводские работы исправляют», «и у мастеров в науках бывают, и после отцов заводское искусство на себя приемлют». И если «отлучены будут в школы», то «впредь заводов размножить будет некем». Резолюция Кабинета гласила, что на «партикулярных» заводах не принуждать детей учиться читать и писать, а учить только «охотников», «а кто из них пожелают вступать в прочие науки, таких учить при казенных заводах»³⁷. Понятно, что в таких условиях желающих оказалось крайне мало. Профессиональная подготовка на практике квалифицированного рабочего, кормильца семьи, оказалась значительно важнее получения хотя бы начального образования, умения читать и писать.

В 1736 г. был принят указ, предписывавший тем, кто обучился мастерству на заводе, «а не в простых работах обрелись», «тем быть вечно при фабриках». На этих же условиях на предприятия принимались и вольные люди «с пашпортами»³⁸. Это создавало определенный слой квалифицированных работников. Однако они фактически превращались в крепостных заводчиков. В целом правительство поощряло образование и просвещение, которые были необходимы и в экономических целях.

Иногородцы также приобщались к учению. Так, например, было создано училище для обучения «калмытских детей» с выдачей «им жалования»³⁹. Стремясь сохранить преемственность и образовательный уровень священнослужителей, правительство запретило определение в гражданскую службу «детей попов, диаконов и причетников», отправляя их «в школы»⁴⁰.

Из общего потока указов, посвященных образованию, выделяются два: первый – о неких «Шульце и Поморцове, принявших веру греческого исповедания», определенных в Академию наук «для обучения японскому языку», и второй – об учреждении в Малороссии «школы пения и инструментальной музыки»⁴¹.

В тринадцатимесячное царствование Ивана VI Антоновича, а фактически в период правления Бирона и Анны Леопольдовны, появился ряд законов, посвященных просвещению. Были подтверждены два указа покойной императрицы (от 6 мая 1736 г. и от 9 февраля 1737 г.) о явке недорослей на смотры. В основном документ касался распределения в полки, но в нем содержались и предписания, касавшиеся образования. Предписывалось, например, «малолетних записывать в школы»; двадцатилетних «отпускать в дома их для обучения разным наукам». Если у родственников не

было возможности «содержать и обучать», их отправляли «в государственные академии и школы». Образованность поощрялась, если «в своих науках паче других преуспели», недоросли «прежде других в чины» определялись⁴².

Неудачный опыт исполнения предписаний Анны Иоанновны об организации образования калмыков в Ставропольской крепости (незнание учителями калмыцкого языка, излишние средства на жалование и пр.) вызвал новый указ. Он предписывал «школы в Ставропольской крепости завести», калмыцких «ребят обучать и приводить в истинное познание с прилежным наставлением», учить «русскому и колымским языкам», перераспределить средства, уменьшить жалование нерадивым наставникам и выделить сумму на строительство школы⁴³.

«Китаец Федор Петров» был определен в Академию наук «для обучения китайскому и манчжурскому языкам». Указ от 30 июля 1741 г. свидетельствовал о невыполнении соответствующего распоряжения аннинского времени об отправке «для лучшего в анатомии и хирургии обучения подлекаря и учеников в Париж». Он определил вполне современную систему отбора кандидатов: «по экзамену и свидетельству их способностей и по имеющимся о их достоинстве аттестатам». Определялся трехлетний срок пребывания пансионеров, давалась подробная инструкция их перемещения и нахождения за границей, «а по довольном их тамо обучении» они должны были вернуться в Россию. Для «обучения коммерции» из кадетов отобрали двух русских и двух «иноземцев» и отправили их в Коммерцколлегию, присвоив «прапорщицьи ранги»⁴⁴.

Таким образом, можно констатировать, что проблемы образования в послепетровский период не только оставались неотъемлемой частью культурной политики государства, но и прочно вошли в государственное законодательство.

В краткие правления Екатерины I и Петра II вопросы печати крайне редко выдвигались на государственный уровень. Императрица лишь подтвердила необходимость предоставления в типографию ведомостей «о всех важных делах» для печатания «во всенародное известие», подчеркнув, что при Петре порядок соблюдался, а при ней «то сообщение, неведомо для чего опущено». Барону Шафирову поручалось «написать историю императора Петра I», что, несомненно, предполагало ее дальнейшую публикацию⁴⁵.

В правление Петра II самым важным стал именной указ от 4 ноября 1727 г., объявленный Сенату из Верховного Тайного Совета «О бытии в Санктпетербурге типографиям при Сенате и при Академии, о переводе в Москву для печатания церковных книг

типографий, находившихся при Сенате и Александровском монастыре». Предписывалось «друкарням» в Петербурге быть «в двух местах» «для печатания указов в Сенате, для печатания ж исторических книг, которые на российский язык переведены <...> при Академии». Вся гуманитарная литература должна была печататься в академической типографии. Синодальную и Александровско-Невскую типографию решено было «перевести в Москву со всеми инструментами, и печатать только одни церковные книги, как издревле бывало». Здесь контроль поручался Синоду⁴⁶. Так произошло своеобразное разделение светской и церковной печати.

Из «печатных достижений» правления Петра II следует отметить выпуск золотых медалей в память его коронации, а также изготовление печатей с изображением российского Герба и с «надписью Императорского имени»⁴⁷. Своеобразным повторением и отчасти дополнением указа Екатерины I от 8 апреля 1725 г. стал закон от 1 мая 1728 г., предписывавший «для печатания в народное ведение в куранты» присылать в Академию наук «известия» из Сената, коллегий и канцелярий. Указ сообщал, что в академической типографии печатались газеты «на Латынском, на Немецком, и на Российском диалектах, с иностранных газетов», и призывалось «всякия ведомости к печатанию тех газетов присылать в оную Академию»⁴⁸. Таким образом, отмечались некоторые успехи в расширении печатного дела и стимулировался сбор информации для последующей публикации.

Указы Анны Иоанновны, посвященные печати, касались прежде всего документов государственного характера. Среди них были распоряжения о перепечатке Уложения «для всенародного употребления», «о печатании указов» прежних и «впредь издаваемых, для всенародного употребления», о напечатании «с 1714 года по 1722 год указов для продажи, и о приготовлении собранных указов с 1722 года для рассылки во все судебные места» в губернии и провинции, «о печатании в Сенатской типографии указов с 1723 года и о содержании оной из денег, выручаемых продажей тех указов», «о скорейшем напечатании в Академической типографии указов с 1722 года», «о печатании указных книг с 1714 по 1722 год в Академической, а с 1723 года в оной же и Сенатской типографиях»⁴⁹.

Своеобразным актом прославления власти были распоряжения о необходимости изображения «в гербах на амуничных вещах Высочайшего Имени», а также написание и печатание «Высочайшего титула крупными литерами»⁵⁰. По докладу Синода появился указ «О печатании Библии прежнего издания, с обозначениями на полях вновь сделанных поправок»⁵¹. Специально оговаривался порядок

осмотра и распространения в сибирских городах книг и гравировальных картин из Академии наук, «провозимых в Китай». Вывозимые же «из оного» Китая книги должны были быть доставлены советником Канцелярии Лангом непосредственно в Академию⁵².

Особое политическое и стратегическое значение в государственной культурной политике XVIII в. приобрела периодическая печать. Петровские «Ведомости» ввели газету в культурную жизнь России. Преемником первой печатной газеты стали «Санктпетербургские ведомости». Новое издание существенным образом отличалось от предшественника. Сохранился правительственный характер газеты, но издателем стала Академия наук, т. е. учреждение культуры. Теперь газета выходила в точно установленные сроки, имела порядковый номер, неизменное на протяжении всего существования (с 1728 по октябрь 1917 г.) название. Газету возглавил один из образованнейших людей, будущий академик Г.Ф. Миллер. Язык газеты усложняли многочисленные иностранные термины: политические, географические, исторические и др. Это создавало определенные трудности для русскоязычного читателя, в помощь которому стали издавать специальные комментарии⁵³.

Первым отечественным журналом принято считать «Примечания». Уже на второй год издания значительно расширилась его тематика. Появились объемные культурно-исторические, географические, этнографические статьи, публикации по математике, астрономии, химии, палеонтологии, истории и теории драматургии и поэзии и пр. В литературном отделе печатались и переводы из иностранных сатирических журналов, английских и немецких. На страницах журнала, часто без подписи, печатались Г.Ф. Миллер, Я.Я. Штелин, Г.В. Рихман, В.Н. Татищев.

Правительство еще в петровское время по достоинству оценило политическое и культурное значение печати для государства и общества и принимало определенные охранительные меры. Однако делало это эпизодически. Относительно небольшой объем печатной продукции, немногочисленный слой грамотного населения, нахождение печатного дела в ведении власти и довольно узкого круга правительственных культурных учреждений, а также преобладание устной формы ретрансляции информации позволяли власти ограничиваться единичными законодательными запретами. Императрица Екатерина I, говоря о необходимости публикации «о всех знатных делах, уточняла: «кроме секретных ведомостей», которые по мнению власти, не входили в круг «принадлежащих ведению народному»⁵⁴.

Одним из интереснейших можно считать указ 14 октября 1725 г. об «истреблении» «формы присяги», созданной новгородским

архиереем Феодосием. Документ появился еще при Петре I и предусматривал присягу не только императору, но и самому Феодосию. Закон гласил, что архиерей «преступил святыя правила и все государственные узаконенные права». Феодосий был «отрешен» от должностей и сослан в дальний монастырь. Лжеприсягу предписывалось «пред народом на публичном месте сжечь», а все экземпляры разыскать и собрать, за неисполнение следовало строгое наказание⁵⁵.

При Петре II Верховный Тайный совет предписал книги «исторические» (гуманитарную нецерковную литературу), выходившие «при Академии», «апробировать» в Синоде. За церковными книгами, печатавшимися в Москве, также осуществлялся контроль, «чтобы никаких в печатании тех книг погрешений и противности, как Закону, так и Церкви быть не могло, того Синоду по должности своего звания смотреть прилежно»⁵⁶. Закон оговаривал, чтобы сведения печатались все, «кроме секретных и неподлежащих к народному известию»⁵⁷. Из цензурных мер, связанных с письменной культурой, можно отметить и запрет «колодникам иметь чернила, бумагу и писать письма»⁵⁸.

Анна Иоанновна интересовалась, прежде всего, иностранными изданиями, запретив ввоз книг, уже имевшихся при Академии⁵⁹. Традиционно контролю подвергались сведения об императорском дворе и ближайшем окружении правителя. Так, книгу на немецком языке о жизни «графа Остермана, графа же Миниха и герцога Курляндского Бирона», где, по мнению власти, содержались «вымышленно-затейные, предосудительные» замечания, приказано было «сжечь и чтоб более она в Российской Империи рассеяна не была». Предписывалось «накрепко запретить» «пашквильные сочинения» «во всех местах продавать и ввозить»⁶⁰.

В августе 1732 г. фактически были повторены указы Петра I от 25 января 1715 г. и 18 января 1718 г., касавшиеся подметных писем. Указ констатировал, что «многие за долгопрошедшим временем, не ведая о тех указах», не соблюдают их. Призывая подданных «самую истину без всякой опасности» доносить, документ предписывал «подметных писем не подкидывать», сжигать их, «не распечатывая и не прочтя на том же месте, где оные подняты, при свидетелях»⁶¹.

Основным указом аннинского царствования, посвященным печати, стал «высочайше утвержденный доклад Сената» от 26 октября 1732 г. запретительного характера. Он был издан в связи с донесением Академии наук о появлении на немецком языке книги, перепечатанной в Любеке «с оригинала оной Академии». Привезенная «для продажи из-за моря» книга «(тариф, пошлинной устав

и трактат учиненной между Россией и Короной Датской)», по мнению Академии, «печатным» при ней книгам «для продажи весьма учинится препятствия» и интересу короны «убыток». Академия через Сенат просила императрицу «запретить под штрафом» ввоз подобных книг, что и было сделано⁶². В 1735 г. В.К. Тредиаковский вынужден был оправдываться за употребление слова «императрикс» в оде «По случаю коронования Анны Иоанновны»⁶³.

При Иоанне VI единственным указом, касавшимся печатного документа, было введенное в Конвенцию, заключенную между Россией и Турцией в 1741 г., положение «о признании Российского Государя Императором и об употреблении сего титула во всяких официальных бумагах с турецкой стороны»⁶⁴.

В первой четверти XVIII века вопросы образования и печати были подняты на государственный уровень. Оценка их высокой значимости правительством и осознание необходимости государственной культурной «поддержки» для движения страны вперед способствовали тому, что эти аспекты общественной жизни заняли важное место в законотворческой деятельности российской верховной власти и стали ее непременным атрибутом.

В послепетровскую эпоху дело великого преобразователя продолжалось, но «без прежнего блеска, настойчивости, энергии и масштабности ...»⁶⁵ Никто из «наследников» не имел ни политической воли Петра I, ни желания все без остатка отдать идее преобразования страны, но они оказались перед необходимостью решения повседневных задач, того, что «было жизненно необходимо стране»⁶⁶.

Поднятая петровскими преобразованиями «на дыбы», Россия получила статус «великой державы». Но все это обходилось очень дорого, а ресурсы страны были на исходе. Войны, неурожаи, голод и пр. истощали экономику и людские ресурсы. От петровского наследия власть не отказывалась, но острая финансовая нужда, громоздкость аппарата управления, созданного Петром I, недостатки которого уже четко обозначились, и, наконец, попытка вернуться хотя бы к относительной стабильности, существенным образом изменили характер и содержание законодательства послепетровской эпохи.

В течение 1725–1741 гг. существенных изменений в культурной политике не произошло. Меры, предпринимаемые законодателями, чаще всего носили паллиативный характер. Государство всячески «приучало» подданных, особенно дворян, к образованию. Оформилась традиция периодических смотров «недорослей», а самое главное, проверка полученных ими знаний. Образованность поощрялась чинопроизводством, небогатые дворяне могли обу-

чаться в государственных учебных заведениях, неспособных к наукам обучали «в полках мастерствам», а нерадивых отправляли в матросы. Трудности в совершенствовании образования и культуры в целом были связаны с недостатком учителей как для начальных школ, так и для подготовки учеников, способных воспринимать «высшие науки».

Своеобразная правительственная «секуляризация» и идеологическое давление на книгоиздательское дело в первой четверти XVIII в. не способствовали его развитию после смерти преобразователя. Определенную роль играла и ориентация на традицию, а также сугубо практический подход к издательской политике, создававший ограниченную общественную потребность в литературе «полезной». Негибкость издательской политики власти, отсутствие необходимого финансирования создали значительные трудности для русской печати. Надзор над печатным словом носил эпизодический характер, и объем печатной продукции, несмотря на его рост, был не настолько значителен, чтобы вызвать серьезные опасения законодателей. Да и круг потребителей печатной продукции оставался ограниченным.

Примечания

- ¹ *Строев В.М.* Бироновщина и Кабинет министров. Очерк внутренней политики Императрицы Анны. Ч. 1. М.: Тип. Императорского Московского Университета, 1909. С. 23.
- ² Полное собрание законов Российской Империи. Собрание I (Далее ПСЗ I): В 50 т. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. Т. 7. № 4731.
- ³ Там же. Т. 7. № 4975.
- ⁴ Там же. Т. 7. № 4663.
- ⁵ Там же. Т. 7. № 4807.
- ⁶ Там же. Т. 7. № 4863.
- ⁷ Там же. Т. 7. № 5106.
- ⁸ Там же. Т. 7. № 5215.
- ⁹ Там же. Т. 7. № 5217.
- ¹⁰ Там же. Т. 8. № 5382.
- ¹¹ Там же. Т. 8. № 5450.
- ¹² Там же. Т. 8. № 5277.
- ¹³ Там же. Т. 8. № 5811.
- ¹⁴ Там же. Т. 8. № 5881.
- ¹⁵ Там же. Т. 8. № 5886, 5894.

- ¹⁶ Там же. Т. 8. № 6050.
- ¹⁷ Там же. Т. 10. № 7313, 7363, 7369.
- ¹⁸ Там же. Т. 10. № 7509.
- ¹⁹ Там же. Т. 10. № 7787.
- ²⁰ Там же. Т. 9. № 6816.
- ²¹ Там же. Т. 8. № 5976; 6127.
- ²² Там же. Т. 9. № 7142.
- ²³ Там же. Т. 10. № 7171, 7182.
- ²⁴ Там же. Т. 9. № 7039.
- ²⁵ Там же. Т. 8. № 5757; Т. 9. № 7115.
- ²⁶ Там же. Т. 8. № 6188.
- ²⁷ Там же. Т. 9. № 7039, 7082; Т. 10. № 7544, 7627.
- ²⁸ Там же. Т. 8. № 5708.
- ²⁹ Там же. Т. 8. № 5831.
- ³⁰ Там же. Т. 10. № 7235.
- ³¹ Там же. Т. 11. № 8253.
- ³² Там же. Т. 10. № 7248; Т. 11. № 8043; Т. 10. № 7250; Т. 11. № 8149.
- ³³ Там же. Т. 9. № 6695.
- ³⁴ Там же. Т. 8. № 5788.
- ³⁵ Там же. Т. 8. № 5716.
- ³⁶ Там же. Т. 8. № 6107.
- ³⁷ Там же. Т. 9. № 6840.
- ³⁸ Там же. Т. 9. № 6858.
- ³⁹ Там же. Т. 8. № 5960.
- ⁴⁰ Там же. Т. 8. № 6066.
- ⁴¹ Там же. Т. 9. № 6956; Т. 9. № 7656.
- ⁴² Там же. Т. 11. № 8344.
- ⁴³ Там же. Т. 11. № 8394.
- ⁴⁴ Там же. Т. 11. № 8418, 8425, 8267.
- ⁴⁵ Там же. Т. 7. № 4721.
- ⁴⁶ Там же. Т. 7. № 5175.
- ⁴⁷ Там же. Т. 8. № 5260, 5346.
- ⁴⁸ Там же. Т. 8. № 5267.
- ⁴⁹ Там же. Т. 9. № 6686, 6687, 6923; Т. 10. № 7534, 7535, 7576.
- ⁵⁰ Там же. Т. 9. № 6974; Т. 10. № 7934.
- ⁵¹ Там же. Т. 9. № 6760.
- ⁵² Там же. Т. 9. № 6728.
- ⁵³ «Месячные исторические, генеалогические и географические примечания в Ведомостях» 1728–1742 гг., 89 частей.
- ⁵⁴ ПСЗ I. Т. 7. № 4694.
- ⁵⁵ «А ежели кто зная, доносить не будет, а потом объявится, что ведал, и не доносил: тому учинена будет смертная казнь» // Там же. Т. 7. № 4788.

- ⁵⁶ Там же. Т. 7. № 5175.
- ⁵⁷ Там же. Т. 8. № 5267.
- ⁵⁸ Там же. Т. 8. № 5353.
- ⁵⁹ Там же. Т. 8. № 6240.
- ⁶⁰ *Скабичевский А.М.* Очерки истории русской цензуры (1700–1863). СПб., 1892. С. 8.
- ⁶¹ ПСЗ I. Т. 8. № 6150.
- ⁶² Там же. Т. 8. № 6240.
- ⁶³ *Пекарский П.П.* История императорской Академии наук в Петербурге: В 2 т. Т. 2. СПб., 1873. С. 60–63; *Блюм А.В.* От неолита до Главлита. Достопамятные и занимательные эпизоды из истории Российской цензуры от Петра Великого до наших дней, собраны по архивным и литературным источникам. СПб.: ОАО Искусство России; издательство им. Н.И. Новикова, 2009. С. 20–21.
- ⁶⁴ ПСЗ I. Т. 11. № 8435.
- ⁶⁵ *Павленко Н.И.* «Полудержавный властелин»: историческая хроника. М.: Современник, 1988. С. 241.
- ⁶⁶ *Курукин И.В.* Петр II. Тень Петра Великого // На Российском престоле, 1725–1796: Монархи российские после Петра Великого. М.: Фирма «Интерпракс», 1993. С. 96.